

Никита Александрович Мещерский

(1/14 I 1906—3 III 1987)

(Н е к р о л о г)

Н. А. родился в селе Герчикове Смоленской губернии. Отец его занимался сельским хозяйством, внедряя рациональные формы земледелия в своем поместье, писал книги по льноводству и широкому кругу сельскохозяйственных вопросов. Среднее образование Н. А. получил в Петроградском реформатском училище, которое окончил в 1922 г. В 1922—1925 гг. он обучался в университете на Факультете общественных наук по Отделению языковедения и литературы, секция языков и культур Древнего мира. Учителями его были Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве (египтология), М. Н. Соколов (гебраистика), а в годы аспирантуры (1926—1928), которую он проходил под руководством В. В. Струве, — П. Н. Коковцов и А. П. Алявдин (сириология и гебраистика). Темой его диссертации был выбран роман об Ахикаре, известный в своей славянской версии как Повесть об Акире.

В 1929—1930 гг. работал в качестве сотрудника Молдавского научного комитета. В его обязанность входило формирование библиотеки нового научного центра в Тирасполе из того обилия книг ленинградских библиотек, которые были либо национализированы после революции, либо остались без владельцев в результате роспуска и закрытия ряда старых учреждений и училищ, составив так называвшийся тогда «Книжный фонд». Одновременно Н. А. подрабатывал частными уроками, преподаванием немецкого языка в различных учебных заведениях, а в 1930—1932 гг. состоял ассистентом кафедры иностранных языков Планово-Экономического института.

Научные интересы Н. А. проявились рано, в центре их оказалась история христианства на православном востоке. Лекции по истории древней церкви В. В. Болотова и Б. А. Тураева были его постоянным чтением. Первые его печатные труды отражают этот интерес. С другой стороны, Н. А. не был чужд и современных ему церковно-религиозных вопросов. Он активно участвовал в деятельности возникшего в те годы Александро-Невского братства, испытывал большой интерес к жизни старообрядцев, в частности единоверцев, в кругу которых близко познакомился с поэтом Н. А. Клюевым. Он и сам пробовал писать стихи, в одном из них знаменательно сошлись пророк Аввакум с Титом Веспасианом. И когда в 1929 г. акад. В. М. Истрину, занятому подготовкой издания древнерусского текста «Иудейской войны» Иосифа Флавия, понадобился сотрудник, чтобы перевести на русский язык сирийскую версию этого сочинения, едва ли кто другой мог лучше взяться за это дело, чем Н. А. Он не только выполнил перевод, но провел исследование христианских интерполяций славянской версии и пришел к выводу, что они по своему содержанию не могут быть старше IV в. и, по всей вероятности, восходят к «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Интересно отметить, что к сходному выводу в это же время пришел известный американский гебраист Соломон Цейт-

лин. По представлению В. М. Истрина исследование Н. А. было опубликовано в «Докладах» Академии наук.

Уже в эти годы Н. А. смог приобрести немалый опыт работы с древними славяно-русскими рукописями, когда был привлечен С. В. Юшковым к подготовке критического издания «Русской Правды» и сделал свод разночтений едва ли не по сотне списков этого памятника.

В феврале 1932 г. Н. А. был арестован (необоснованные обвинения были сняты с него в 1960 г.) и пять лет провел на лесоразработках Свирьстроя. В 1937 г. он поселился в Оренбурге, куда в 1934 г. были высланы его родители. Здесь Н. А. вначале преподает на курсах подготовки учителей при облоно, в 1939—1941 гг. — преподаватель кафедры русского языка пединститута, заместитель декана по заочному обучению, в 1941—1944 гг. — учитель средней школы села Шарлык, инспектор районо, заведующий педкабинетом и курсами по подготовке учителей, в 1944—1954 гг. — старший преподаватель кафедры русского языка в Учительском институте г. Бугуруслана. Так приобрел он свою новую специальность русиста-языковеда.

Публикации оренбургского периода ограничиваются преимущественно литературным краеведением, но уже в Бугуруслане Н. А. смог возобновить научно-исследовательскую работу и настолько успешно, что 25 октября 1946 г. в Институте востоковедения в Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусский перевод еврейской книги Есфирь». Исследование было проведено в основном по фотокопиям с использованием 18 списков XIV—XVI вв. В истории изучения древнерусской переводной письменности эта работа имеет принципиальное значение.

Дореволюционная русская наука считала, что переводы с древнееврейских оригиналов на Руси совершались лишь в эпоху ереси жидовствующих, т. е. не раньше середины XV в. Потому в отношении славянской версии книги Есфирь возникла следующая альтернатива: если это перевод с еврейского оригинала, то он не может быть старше XV в. (А. В. Горский) или в крайнем случае XIV в. (И. Е. Евсеев); если это перевод домонгольского периода, то он мог быть выполнен только с греческого оригинала (А. И. Соболевский). Н. А. достоверно определил древнее происхождение славянского перевода (около 1100 г.) и то, что непосредственным оригиналом был древнееврейский текст. Этим была открыта новая страница в изучении культурной истории Древней Руси.

В Бугуруслане Н. А. в основном завершил и следующую свою большую работу — исследование по 30 спискам славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Издание текста по 9 спискам было осуществлено им в 1958 г. при содействии Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. Так увидел свет один из наиболее замечательных переводов Древней Руси, издание которого не удалось довести до конца В. М. Истрину. В своем исследовании Н. А. подробно охарактеризовал язык текста, стилистические приемы древнерусского переводчика, своеобразную и уверенную манеру перевода; введение в текст христианских интерполяций он отнес к деятельности переводчика. Работа была защищена как докторская диссертация в ЛГУ 25 декабря 1958 г.

Между тем после закрытия в 1954 г. Учительского института Н. А. был приглашен в Петрозаводский пединститут заведовать кафедрой русского языка. В 1963 г. при заинтересованной поддержке Б. А. Ларина он был избран заведующим кафедрой русского языка Ленинградского университета. В эти последние 15 лет до выхода на пенсию в 1978 г. преподавательская деятельность Н. А. протекала в благоприятных условиях, она определялась уже не столько требованиями программы и нехваткой квалифицированных педагогических кадров, сколько кругом его научных интересов. Кроме своего основного курса по истории русского литературного языка Н. А. читал лекции по истории филологической науки, по древнерусской литературе, спецкурсы по истории русского языка XI—XIV вв.

и истории русского языка в послереволюционную эпоху, по языку «Слова о полку Игореве», по переводной письменности IX—XV вв., наконец, в 1979—1983 гг. он прочел для сотрудников рукописных хранилищ курс византийской и славянской гимнографии, который остался в записях слушателей и ждет своего издания. В действовавшем все эти годы семинаре Н. А. по филологическому изучению языка древней славяно-русской переводной письменности были написаны десятки дипломных работ и кандидатских диссертаций. Десятками исчисляется количество диссертаций, по которым Н. А. выступил оппонентом или рецензентом.

Научная деятельность Н. А. в 50—70-е гг. также была многогранна, но на первом месте, безусловно, стояло изучение древней славяно-русской переводной письменности, где его личный вклад был особенно значителен и значим. По словам Н. А., большинство памятников древней славяно-русской письменности — это памятники, переведенные с различных языков, или переделки таких переводов самими славянскими книжниками, однако со смертью В. М. Истрина изучение этого громадного материала почти полностью остановилось. На Н. А. легла обязанность восстановить прерванную научную традицию. К счастью, среди преподавателей классических языков, прежде всего языка греческого, нашлись в университете энтузиасты, хорошо понимавшие необходимость правильного филологического образования для русистов-историков, они взяли на себя часть педагогической задачи Н. А. Без каких-либо организационных мероприятий в ходе деятельности спецсеминара и чтения спецкурса по переводной письменности ему удалось подготовить немалое число специалистов в этой области, с большим или меньшим успехом продолжающих его дело.

Изучением и изданием двух важнейших переводов домонгольской Руси Н. А. был вовлечен в рассмотрение многих смежных и весьма крупных вопросов: 1) выявление круга сходных по происхождению в славянской письменности текстов, например ряда ветхозаветных апокрифов; 2) выявление круга текстов с общими лингво-стилистическими чертами, например славянский Иосиф и «Слово о полку Игореве», «Повесть о взятии Царьграда» и т. д.; 3) судьбы византийской хронографии у славян; 4) общий характер усвоения восточными славянами византийского культурно-письменного наследия; 5) переводные хроники и русские хронографы и летописи; 6) искусство перевода Древней Руси; 7) библейские и литургические тексты в кругу других письменных памятников у славян. Нет возможности, да и не время еще оценивать результаты, к которым пришел Н. А. в ходе разработки этих вопросов. Достаточно сказать, что ему удалось поставить изучение переводной письменности в отношении ее текстологии, поэтики и стилистики на тот высокий уровень, на котором оказалось к этому времени изучение русского летописания и оригинальной литературы Древней Руси, выявить необходимость изучения русской переводческой школы как единого целого и в ее связи с развитием культуры и письменности у восточных славян. Научная традиция изучения переводной письменности была восстановлена и получила в работах Н. А. дальнейшее творческое развитие.

Весьма значительным представляется вклад Н. А. в изучение литературного языка в России на всем протяжении исторического существования письменности, но особенно в его древнем периоде. В подходе Н. А. к этому обширному предмету, отражающему в конечном счете в своих источниках всю русскую жизнь за тысячу лет, заметны следующие своеобразные черты. Это, во-первых, позитивизм в отборе изучаемых источников: внимание исследователя направлено прежде всего на те тексты, которые в силу общественно-исторических условий занимают центральное место в культурной и общественной жизни того или иного периода. Ни личные пристрастия, ни модное поветрие не должны поколебать объективную систему ценностей, сложившуюся в ходе исторической жизни большого народа. Во-вторых, даже если идет речь о второстепенных орфографических

деталей, их интерпретация проводится на основе глубокого проникновения в смысл изучаемого текста, — как принцип это может быть сформулировано знаменитым с древности вопросом: «Разумеешь, яже чтеши?». В-третьих, для правильной интерпретации стиливых особенностей древнерусских текстов нужно знать не только то, что читалось в Древней Руси, нужно знать, когда читался тот или другой текст согласно требованиям церковного года. Сам Н. А. обладал в полной мере этим редким знанием. Наконец, основным для истории литературного языка Н. А. рассматривал вопрос о применении языка в художественных целях, что позволяло ему далеко выходить за рамки художественной литературы. В поле его зрения оказывались гимнографическое творчество и библейские переводы, с одной стороны, а с другой — берестяные грамоты и актовый материал, с характерными в каждом случае приемами экспрессивно-речевой выразительности. На этом фоне становится видно, что и проблематика языковой нормы недостаточно широка, потому что художественное применение языка может быть произведено как в согласии с языковой нормой, так и вопреки ей.

Кроме того, в соответствии с филологической традицией Н. А. никогда не упускал из виду, что суждения о лингво-стилистических особенностях текста только тогда надежны, когда приняты в учет все рукописные источники, а для переводного текста — его иноязычный оригинал.

Работы Н. А. по древнерусскому ономастикону, фразеологии, истории слов, диалектологии, стилистические этюды об отдельных авторах и т. д. имеют самостоятельное значение, но вместе с тем они связаны с общим направлением его исследования истории литературного языка и письменности. Плоды неутомимой деятельности Н. А. будут всегда приносить пользу отечественной науке.

Н. А. был человек цельный, он трезво смотрел на жизнь. Он не идеализировал прошлое и не предавался пустым мечтам о будущем, но любил свою страну, свой народ и окружающих его людей такими, какими они являются в действительности. Смолоду ему были свойственны широкая любознательность, удивительно цепкая память, наблюдательность, интерес к людям, честность и доброта. Эти свойства позволили ему в недолгие годы ученичества накопить поразительно большой запас знаний, умело пользоваться ими, аккуратно и добросовестно выполнять всякий труд, ложившийся на его плечи, встречать во всяком окружении уважительное отношение к себе. Через всю жизнь он пронес неизменными идеалы молодости, потому был всегда ровен, спокоен и, как казалось, счастлив. В маститые годы его отличали простота, невзыскательность к бытовым условиям, предельная скромность, благожелательность и свойственная истинной учености снисходительность. Нравственное влияние его личности на окружающих было велико и благотворно.

А. Алексеев